

ЮРИЙ
КУЗНЕЦОВ

**ВЫХОДЯ НА ДОРОГУ,
ДУША ОГЛЯНУЛАСЬ**

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ

ВЫХОДЯ НА ДОРОГУ, ДУША ОГЛЯНУЛАСЬ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1978

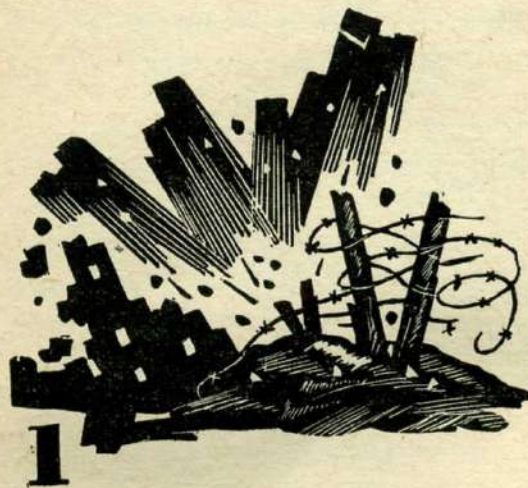
ЮРИЙ
КУЗНЕЦОВ

**ВЫХОДЯ НА ДОРОГУ,
ДУША ОГЛЯНУЛАСЬ**

Стихотворения
и
поэмы

P2
K89

К $\frac{70402-158}{078(02)-78}$ 180-78

© Издательство «Молодая гвардия», 1978 г.

* * *

Ты не стой, гора, на моем пути.
Добру молодцу далеко идти.

Не мешай ногам про себя шагать,
Не мешай рукам про себя махать.

Говорит гора: смертный путь един.
До тебя прошел растаковский сын.

Сковырнул меня изо всей ноги,
Отмахнул меня изо всей руки.

— Не мешай, — сказал, — про себя
шагать,
Не мешай, — сказал, — про себя
махать.

Не ищу я путь об одном конце,
А ищу я шар об одном кольце.

Я в него упрусь изо всей ноги,
За кольцо схвачусь изо всей руки.

Мать-вселенную поверну вверх дном,
А потом засну богатырским сном.

ОСКОЛОК

На закате планетного шара
Он тяжелым осколком убит.
Но осколок не сбавил удара,
До сих пор в его теле свистит.

И свистит под землей его тело,
И летит — без следа и предела.

* * *

Я пил из черепа отца
За правду на земле,
За сказку русского лица
И верный путь во мгле.

Вставали солнце и луна
И чокались со мной.
И повторял я имена,
Забывшие земли.

ОЗЕРО

И снится мне озеро... Долго смотрю
На столп вознесенной воды:
То озеро ниже дремоту мою
На пыль от туманной звезды.

За озером тянется серая степь,
За степью — синеющий лес,
За лесом — отвесная горная цепь,
А дальше — простор без небес.

* * *

Пройдя туда, куда, смыкая цели,
Стрела летит,
Куда, мерцая в материнском теле,
Дитя глядит, —

Узрел я мир, попутный или встречный;
Его края
Распахнуты в клубки противоречий,
И всюду — я.

РАСПУТЬЕ

Поманила молодость и скрылась.
Ночь прозрачна. Дума тяжела.
И звезда на запад покатилась,
Даль через дорогу перешла.

Не шумите, редкие деревья,
Ни на этом свете, ни на том.
Не горите, млечные кочевья
И мосты — между добром и злом.

Через дом прошла разрыв-дорога,
Купол неба треснул до земли.
На распутье я не вижу бога.
Славу или пыль метет вдали?..

Что хочу от сущего пространства?
Что стою среди его теснин?
Все равно на свете не остаться...
Я пришел и ухожу — один.

Прошумели редкие деревья
И на этом свете, и на том.
Догорели млечные кочевья
И мосты — между добром и злом.

ЗАВЕТ

Со дна морского камень всплыл,
Привязанный к ногам
Того, кто душу погубил
По мировым углам.

Прямой дороге предпочел
Бегущую волну.
В пути опоры не нашел
И канул в глубину.

Твои слова, родная мать,
Нашли его на дне:
«Когда я буду умирать,
Ты вспомни обо мне».

В морской пустыне он стоял
На камне гробовом
И долго руки простирал
За синий оком.

* * *

Где-то в поезде ехали двое,
Невпопад говорили, и вдруг
Я словечко услышал такое —
До сих пор пресекается дух.

Глянул: бабка над внуком рыдала
И рыданьем баюкала слух.
— Кто тут был?

— Никого не бывало... —

До сих пор пресекается дух.

И словечко-то, право, пустое,
И расслышал его я не так:
— В этом мире погибнет чужое,
Но родное сожмется в кулак.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

Скажи мне, о русская даль,
Откуда в тебе начинается
Такая родная печаль?..
На дереве ветка качается.

День минул, проходит два дня.
Без ветра на дереве мечется.
И взяло сомненье меня:
Мерещится иль не мерещится?

Поют, опадая, листки...
С чего она, право, качается?
Пошел и заплакал с тоски...
Так русская мысль начинается.

СЕМЕЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

Как только созреет широкая нива
И красное солнце смолкает лениво
За темным холмом,
Седая старуха — великая мати —
Одна среди мира в натопленной хате
Сидит за столом.

— Пора вечерять, мои милые дети! —
Она поминает о сыне-поэте,
О дочке-вдове,
О светлом супруге, безвестно убитом,
О позднем младенце, бесследно зарытом
В кремень-мураве.

Рассвет наплывает по правую руку,
Закат наплывает по левую руку —
И слушают ночь.
И вот, потрясая могильные камни,
Приходят живые: поэт — с облаками
И горькая дочь.

Неполная смерть поднимает из праха
Истлевшие кости... Солдатская бляха
Блестит на одном.
Пришельцы глядят на пустые стаканы,
Садятся за стол и сквозят, как туманы,
Меж ночью и днем.

— Не хлебом единым, — сказала старуха.
И каждому мерит от чистого духа
И мира сего:
Огонь для солдата, лазурь для поэта,
Росу для вдовы, молоко для послада.
Себе — ничего.

Но вот огляделся, как в дальнем дозоре,
Солдат и заметил: — Не все еще в сборе.
Здесь нет одного.
От лона иного, от тучи гонимой,
Он сын мой и брат им, судьбой не любимый.
Вот место его!

— Пускай он войдет, — согласилась
старуха.
Из бездны вселенной до чуткого слуха
Шаги донеслись.
Бродяга вошел, не любимый таланом,
И принял стакан с непроглядным туманом...
— Окольный, садись!

Давно я старуха. Мой голос — мерцанье.
Но я б не хотела одно прорицанье
В могилу унести.
На чресла гадали мне в детские годы,
Что выйдет оттуда предтеча свободы.
Он должен быть здесь!

Бродяга заплакал, вдова зарыдала,
Поэт преклонился, дитя загадало,
Отец отступил...
Все гости пусты и сквозят, как туманы.
Нетронута снедь, непочаты стаканы...
Так кто же тут был?

Солдат после смерти печально воюет,
Он редко по старой подруге тоскует...
А встреча близка!
Младенец блуждает в земном промежутке,
Глядит из небес, и играет на дудке,
И пьет из цветка.

Вдове и лежачего горя хватает.
Бродяга бегущую воду хватает
И песни поет.
Но сына-поэта во сне посетило
Виденье и светом уста отворило:
— Былое грядет...

И вновь созревает широкая нива
И красное солнце смолкает лениво
За темным холмом.
Земля возвращает истлевшие кости,
А память — надежду. Пьют чудные гости
За старым столом:

Солдат за победу, поэт за искусство,
Вдова за прохожего, мати за чувство,
Младенец за всё.
Бродяга рассеянно пьет за дорогу,
Со свистом и пылью открытую богу,
И мерит свое.

* * *

Надоело качаться листку
Над бегущей водою.
Полетел и развеял тоску...
Что же будет со мною?

То еще золотой промелькнет,
То еще — золотая.
И спросил я: — Куда вас несет?
— До последнего края.

* * *

Мне снились ноздри! Тысячи ноздрей
Стояли низко над душой моей.

Они затмили солнце и луну.
Что занесло их в нашу сторону?

Иль от лица бежали своего?..
«Мы чуем кровь! Мы чуем кровь его!»

Раздался вопль чужого бытия...
И пролилась на волю кровь моя.

ПОСЛЕДНИЙ ЭМИГРАНТ

Не ангелы падали с неба,
Не воды понятно неслись, —
Печальное облако пепла
Тянулось от дальних границ.

Последнюю просьбу на свете
До наших болот донесло:
— Сожгите меня после смерти
И пеплом набейте жерло.

Направьте на волю и землю,
На старый крыжовник и пруд.
Прошу, моему пораженью
Отдайте последний салют.

СЕВЕРНАЯ БЫЛЬ

Он жил среди оленьих стад,
Не ведая о мире.
Неслась упряжка, как раскат
По необъятной шире.

Но мир ему построил дом —
Кругом паркет и стены.
И он глядел открытым ртом
На эти перемены.

Ему не спится... За окном
То вой, то хохот слышен.
И прорубил он топором
Дыру в широкой крыше.

Расчистил верную долонь
От мелкого паркета.
Поставил чум и вздул огонь.
И задремал до лета.

— Струись, струись, мой дух,
во мгле... —

Он повторял все тише.
Вот что бывает на земле,
А может быть, и выше.

ШОРОХ БУМАГИ

Не шелест ночного оврага,
Не пение игл на сосне,
Во тьме зашуршала бумага —
И тьма шевельнулась во мне.

Ударил из тьмы поколений
Небесный громовый раскат —
Мой предок упал на колени...
И я тем же страхом объят.

ЗНОЙ

Гул, толчки... У бегущей собаки
Испаряется пасть... Как во мраке,
Пузырится удушливый пруд.
Тучи пыли визгливо-сердиты,
Горизонты и крыши размыты,
Искры зноя сквозь воздух бегут.

И, забывшись на самом припеке,
Грезит молнией дуб одинокий,
Тень влача,

где ночное живет,
Где пронзительно месяц сверкает.
То сова, то душа зарыдает,
Червь сквозь сердце мое проползет.

ЧЕРНЫЙ ПОДСОЛНУХ

Он пророс из глухого колодца.
Но однажды глубокая мгла,
Затмевая высокое солнце,
На цветущий подсолнух легла.

Цвет померк. В небесах ослепленных
Вместо солнца возникло пятно.
От него отвернулся подсолнух.
Поле пусто, сомненье темно.

Он не поднял потухшего взгляда
На сиянье свободных небес.
Оскверненной святыни не надо!
Ждал он ночи... И ночью воскрес.

Мертвым светом его охватило,
Он уже не внимал ничему.
Только видел ночное светило,
Присягая на верность ему.

ДВУЕДИНСТВО

В тени летящего орла
Сова ночная ожила
И полетела, как подруга,
В плену возвышенного круга.

Орел парил. Она блуждала,
Не видя в воздухе ни зги.
И, ненавидя, повторяла
Его могучие круги.

МОРОСЯЩИЙ ДОЖДЬ

Руки по швам! Руки по швам!
Дождь моросит, дождь моросит.
Писем и женщин не будет вам.
Дождь моросит, дождь моросит.

Три дня и три ночи во сне не спишь.
Лицо моросит, а глаза глядят.
Руки по швам! Перед кем стоишь?
Сухие пайки моросят, лейтенант!

Они моросят с четырех сторон.
Стой! Кто идет?.. Дождь моросит.
Меняю письмо на сухой патрон!
Эй, лейтенант!.. Лейтенант убит.

ПЕРЕВЕРТЕНЬ

Извратил он и слово и дело,
И насмешка была такова,
Что от легкости мысли и тела
Он ногами залез в рукава.

Может быть, над людьми посмеялся,
Опрокинул и душу и смысл,
В рукавах пиджака затолкался,
Словно дьявол, низринутый вниз,

И мелькает, мелькает по свету
Вверх ногами бегущий пиджак.
По его пятипалому следу
Тут и там прорывается мрак.

* * *

На темном склоне медлю, засыпая,
Открыт всему, не помня ничего.
Я как бы сплю — и лошадь голубая
Встает у изголовья моего.

Покорно клонит выю голубую,
Копытом бьет, во лбу блестит огонь.
Небесный блеск и гриву проливную
Я намотал на крепкую ладонь.

А в стороне, земли не узнавая,
Поет любовь последняя моя.
Слова зовут и гаснут, изнывая,
И вновь звучат из бездны бытия.

ЕЛЕНА

Ты кто, Елена?.. Стар и млад
Из-за тебя в огне.
Пускай цари повременят —
Ты вспомни обо мне.

Гомер — слепой певец богов —
Донес из пустоты
Вздох потрясенных стариков,
Но не твои черты.

Оставил славы блеск и гром,
И больше ничего.
Я угадал мужским чутьем
Смушение его.

В туманном юношеском сне
Из этой пустоты
Являлась женщина ко мне...
Елена, — это ты!

Хотя свой призрачный успех
Ни в ком признать не мог,
Тебя я чувствовал — во всех,
Как славу и подвох.

Когда другая за мечты
Сожгла меня, любя,
Ты приняла ее черты —
Я потерял тебя.

МАКБЕТ

Куда вы, леди? — страсть моя,
Бредущая впотьмах
С душой высокой, как змея
У коршуна в когтях.

Упорной страсти замкнут круг
Шотландскими холмами.
Объята тени ваших рук
Огнями и громами.

С них каплет кровь — кольцо в крови!
И поздними слезами
Я плачу и молю любви
Над этими руками.

За то, что вам гореть в огне
На том и этом свете,
Поцеловать позвольте мне
Вам эти руки, леди.

ОБРАЩЕНИЕ К ДРУЗЬЯМ

Приводите девок и туманы
Разливайте в тонкие стаканы.

Да настройте ваши балалайки,
Но три знака ждите от хозяйки:

Зашипит змеею подколодной,
Заметет поземкой непогодной —

Заливайте скатерть дорогую,
Заводите песню удалую;

А дверями хлопнет — так не ждите,
Так хватайте девок и пляшите.

Сам ударю в ваши балалайки,
Чтобы звон донесся до хозяйки.

Пусть она шумит под облаками
И на звезды топаёт ногами.

* * *

Я помню, как в дом возвратился
И пыль завивалась винтом.

— Родимый, на ком ты женился?

— А черт ее знает на ком!

Я буйствовал денно и ночью,

И гол как сокол потому.

— Родимый, чему ты смеешься?

— А черт его знает чему!

ПРОЩАЛЬНЫЙ ЖЕСТ

Зачем ты его обнимала,
Махала с печальных полей,
Как будто туман разгоняла?
Туман становился сильней.

Он занял скользящее место
В пространстве, лишенном тепла.
Но тайна прощального жеста,
Мерцающая, обратно звала.

Развеять дорожную скуку
Помог ему князь темноты,
Что дергал какую-то куклу,
И кукла махала — и ты...

Годами окно протирала,
Рука уставала мелькать,
Как будто туман разгоняла,
Который нельзя разогнать.

* * *

Ты зачем полюбила поэта
И его золотые слова?
От высокого лунного света
Закружилась твоя голова.

Ты лишилась земли и опоры.
Что за легкая тяга в стопе?
И какие открыло просторы
Твое тело и в нем и в себе?

Он хотел свою думу развеять,
Дорогое стряхнуть забытье.
Он сумел небесами измерить
Свой полет и паденье твое.

И небрежным движеньем поэта
Он накиннул на плечи твои
Блеск тончайшего звездного света
От прощального слова любви.

Что-то будет: огонь или солнце?
Заметет вас полынь-мурава.
Ты заплачешь, а он отзовется
На свои золотые слова.

ЗМЕИ НА МАЯКЕ

Поэма

П.П.

С чего начать, мне все равно... Итак,
У лукоморья с видом на маяк,
Во благо предприятия своего,
Жил врач — я назову Петром его.
Приехал он сюда за муравой
Лечить народ от язвы моровой.
Снял уголок. Хозяева, видать,
Не стали поговорки вспоминать.
А та гласит: не принимай под кров
Врачей, военных, пьяниц и воров.
Гость подкупил бывалые сердца
Решимостью округлого лица.
Он час и место выбирать умел.
Со вкусом одевался, мало ел,
С полслова понимал... И посему
Решил хозяин: «Денег не возьму.
Душе помин, а здравью догляд.
Змеиное болото невдогад
Мы летось осушали под ячмень,
А поясницу ломит по сей день.
Так ты того... Постой, что за лихва?»

На дереве тенистая листва
Вскипела разом — туча мелких птах
С тревожным шумом канула впотьмах.

Двор зарябил от гребней и хохлов
Бегущих кур, цыплят и петухов.
И ласточки метались непутем,
Крича по-соколиному. Пластом
Инстинкт и разум в воздухе толклись,
Как будто над землей сновала мысль.
В поселке показался человек:
Фуражка с «крабом», борода как снег,
Лицо горело жженым кирпичом,
Темнел бушлат с изодранным плечом.
Его обстали дети мал мала.
— Маяк! — кричали. — Покажи орла! —
Старик белками опрометь повел,
Заклекотал — из вышины орел
Пал, рассекая воздух горячо,
И сел ему на правое плечо.
Погасли в растопыренных крылах
Стальные искры и морской размах.
Но проносили дол и небеса
Стремительные ясные глаза.
Старик прошел, как ропот по толпе.
И врач решил: «Он вроде не в себе,
Но кто он?» —

«Это сторож маяка, —
Сказал хозяин. — И наверняка
Скорбит о том, что вертится кубарь
И птицы бьются об его фонарь.
Набита пухом перелетных птиц
Его постель на зависть молодежи.
От скуки то с орлом, то сам собой
Маячит между небом и землей...»

У лукоморья врач искал траву
И благом мира грезил наяву.
Но странный блеск его мечту отвлек:
В кольце змеи благоухал цветок.

Он подошел к нему — почти сорвал!
Но руку мертвый взгляд околдовал,
По ней потек пружинистый поток...
И пасть открылась, как второй цветок.
— Их два, один оставь, — сказал старик
И перед ним из-за скалы возник.
Но сильный свист раздался в облаках.
И, небо раскрывая нараспах,
Упал орел и взмыл. Единый миг —
Один цветок остался на двоих.
Они на нем глазами пресеклись,
Отпрянули и молча разошлись.

Придя домой, врач думал о траве,
Что так цветет. Но мысли в голове
Толклись... На маяке зажегся свет,
И замигала комната в ответ.
Мигала долго... Он вскочил! Маяк
Стал погружаться медленно во мрак,
Ослепло море... К дому и горе
Его зывали тени. На заре
Открылась дверь, как в юности талант.
Вошел в пуху и мраке лейтенант:
— Вы врач? Сошел с ума на маяке
Смотритель. Разберитесь в старике.
Причина неясна. Но катер ждет... —
И оба вышли к морю из ворот.

Через залив тянулся белый снег,
То там, то сям звенел счастливый смех.
Подставив руки смуглые свои,
Ловило детство снег... Лови, лови,
Пока не побелеет голова
И неба не коснется трын-трава...
Но шел отнюдь не снег. Над маяком
Клубился пух, нажитый стариком.

Он в воздухе мерцал и на полу,
А сам старик сидел в пустом углу
И бормотал сквозь пух: «Они летят».
— За три часа, — промолвил
лейтенант, —
Вспорол постель и топал на конвой:
«Спасайте птиц! Они летят домой!»
А люди?.. Тонут... Что до маяка,
То он исправен. Жалко старика.
Итак, до завтра. Честь имею. Тьфу! —
Он сплюнул пух и скрылся на плаву.

Мир вечерел, когда маяк мигнул.
Старик зашевелился и вздохнул:
— И здесь темно! — По мысли и чертам
Еще не здесь он был, а где-то там,
Чего не знает мера и печать. —
Где мой фонарь? Пойду конец
встречать! —

Взглянув в окно, старик захохотал:
— Взял высоко, ан неба не достал.
Крылатых губит и слепых ведет,
Вопросы за ответы выдает.
А я при нем... могильщик птиц. Никто.
То день, то ночь — мигает решето.
То тень, то след, то ветер, то волна.
Рябит покров, слоится глубина.
Слова темны, а между строк бело.
Пестрит наука, мглился ремесло.
Где истина без темного следа?
Где цель, что не мигает никогда?
Латать дырявый мир — удел таков
Сапожников, врачей и пауков.
Скажи, ты вестник? Врач?.. Не смей
скрывать! —
Старик впотьмах споткнулся о кровать,

Упал и стих... Врач помрачнел. Окно
Мигало, маяком озарено.
Мигало долго... Он вскочил! Маяк
Стал погружаться медленно во мрак.
— Они ползут! — заклекотал старик,
И мир его оставил в тот же миг.
Петр выбежал наружу. Сотни змей
С шипением и свистом из щелей
Ползли вверх, свивались тяжело
И затмевали теплое стекло:
Его живьем покрыла чешуя.
Петр закричал от ужаса. Змея
Ужалила лицо.

— Твое тепло
Их притянуло, боже!.. Все темно!
И вижу все! Неизъяснимый свет
Меня заполнил! Даже солнца нет...

Стонало море. Птицы косяком
Свободно пронесли над маяком,
Над полосой бегущих с моря волн,
Где врач блуждал, идущей бури полн;
Раскинув руки, на песок упал
И только слово «змеи» написал...

Вот что я знаю. Более сего
Я не прибавлю миру ничего.

ЖЕНИТЬБА

Ироническая поэма

В двенадцатом часу, под воскресенье
Герой моей поэмы Чистяков
Так возвестил о собственном рожденье:
Взял и чихнул на лучший из миров,
И тот ему ответил: «Будь здоров!»
Когда его кормила грудью мать,
Он потянулся яблоко сорвать —
Прекрасное старинное движенье!
Но этим он прервал свое кормление.
И, позабыв родительскую грудь,
За яблоком пустился в дальний путь.
— Спешите! — он услышал от мотылька.
— Не торопись! — сказали облака.
— Учись сомненью! — проревел осел
И этим впечатленья произвел.

За днями дни идут, как лист дрожит,
За годом год идет, как лес шумит,
А век за веком — как земля стоит.
А сбоку слава громкая бежит.
Отстань, собака! Молодость спешит!
Златых кудрей не счесть — кольцо в кольцо,
Носком он катит белое яйцо,
Под пяткой пролетает самолет.
Раздайся! Добрый молодец идет!
На золотую зарю красоту,
Ломают шею птицы на лету.

Девицы стекла голубые рвут
И путь ему глазами устилают.
Молодки кольца золотые мнут
И путь ему рублями усыпают.
Старухи тень унылую грызут
И молодость далекую зовут.
Печаль и удаль били через край,
И встретил он цыганку.

— Погадай!

Хочу поверить раннюю печаль,
Солги, старуха, коли правды жаль.
В моем кармане мелких денег нет,
Так погадай за пачку сигарет! —
Накликала за пачку сигарет
Любовь скандальную, семь бед — один
ответ.

Но плюнул он в неверное лицо
И снова подцепил носком яйцо.
Раздался легкий гром или смешок,
И вот уже скакнул ему на ногу,
Скорлупки отряхая, петушок.
— Ку-ка-ре-ку! — и шасть через дорогу
Под красное высокое крыльцо.
А на крыльце красавица стояла.
И яблоко в одной руке сияло,
Бросая ответ на ее лицо.
Ой, не звезда во мраке пробежала!
То яблоко заветное упало
И покатилося...

Молодец нагнулся:

Туманный след за яблоком тянулся.
Он проследил глазами до крыльца
И выше: ножки! Платье не пуская,
Рука лилась, свободно повторяя
Полет бедра. Шел пламень не мигая
По голубиной груди — до лица.

Красавица зарделась: отпусти!
Душа рванулась, словно ветер в поле,
Душа вольна, но с места не сойти.
И ноги заплясали поневоле.
Пропел петух. Не слышала она,
От взгляда молодецкого пьяна.
Когда пропел петух на третий век,
Очнулась.

— Где ты, добрый человек? —
Ан след его дымит разрыв-травой.

Домой героя будто черт унес.
Уже стакан поставил пред собою,
Но оглянулся, за его спиною
Открылась дверь — и прогремел вопрос:
— Где Чистяков?

— Я здесь.

— Изволь жениться! —

Пред ним стоял багровый человек
С коричневым рубцом от черепицы
И мрак метал из-под набрякших век.
— Фу, фу, старик! Ты кто?

— Отец Аи,

Иван Ахримчик! — хватъ одной рукою
Героя за плечо, а стул — другою,
И тут же сел: — Со мною не шути!
Аи — моя двенадцатая дочь!
А ты — моя двенадцатая мочь!
Налей вина за милое словцо.
Чего разинул рот — заедет брочка!
Видал, как ты по улице яичко
Катил. Моя гулена на крыльцо
Шмыг с яблоком. «Назад!» — кричу
из дому,

Послушалась... Но что за оборот:
Глядит не так, садится по-другому,

Насупил бровь — меня не узнает,
Ну, словом, я пришел по убеждению.
— А где Аи?

— Она стоит за дверью. —
На это рассмехнулся Чистяков.
— Шалишь, старик! — душа его плеснулась,
Стаканом вышиб дверь и был таков,
Девичья тень за дверью встrepенулась:
— Не уходи — останешься один! —
Но никого не слушал сукин сын.
Аи споткнулась, туфелька упала.
Но босиком родная побежала.
Навстречу шел солдатский частокол.
— Солдатики! Солдатики! Ушел!
Теперь я ваша! — Платье дорогое
Разорвала и топнула ногою.
Душа солдата девку пожалела:
— Не торопись, готовая сестра! —
И рякнул подполковник: — Полк! Налево
Кругом! Догнать предателя! Ура! —
Пыль от сапог покрыла божий мир,
Но усомнился brave командир:
— Я вижу ясно: он бежит по пашне!
И вот следы, но это след вчерашний!
Тут не мерзавец. Тут не то. Назад! —
И на казарму развернул солдат.

Блистая пылью удалого следа,
Бежал герой, меняя части света,
Как гордая красавица перчатки...
И вот он очутился на Камчатке.
Туманы океанской синевой
Дохнули неприветливо и жутко.
Он произнес: — Я слышу волчий вой.
Откуда? А, из моего желудка!
Ну ничего. Сейчас наловим рыбы. —

Встал Чистяков у бездны на краю
И в Тихий океан пустил струю —
Дрожь пронеслась по океанской зыби.
И по струе — один дурней другого
Пошел лосось наверх до Чистякова.
Уже успел он груду набросать,
Как слышит голос: — Рыбку ловишь,
зять? —

Глядит: пред ним Ахримчик налегке
Стоит с ружьем, и палец на курке!
И говорит: — Давай обратно, зять.
И рыбки не забудь с собою взять!
Я выписал из Франции вина.
Чего стоишь! Ужо найдется место.

Встречай гостей, родная сторона!
Поплачь, поплачь, любезная невеста!
Ты солнышком для батюшки стояла,
Ты месяцем для матушки сияла,
Как зеркало, сестричек отражала,
Да времечко недоброе нашло.
И солнышко за месяц схоронилось,
И облачко на месяц накатилося,
И зеркало заветное разбилося,
Водичей в разны стороны ушло.
Чужая воля свищет на дубу,
А чья она, спрости свою судьбу.
Не ворон ли махнул своим крылом
И белый свет затмил одним пером?
Без радости ты ленту повязала,
Без сладости ты губы искусала...
Куда глядит победная краса?
Она глядит за темные леса.
Одна слеза за гору покатилося,
Другая из-за лесу воротилася
И молодца с собою принесла.

Он на крыльцо высокое ступает —
Крыльцо в сырую землю утопает,
Дверной косяк восходит в небеса,
Мешок лососей за его плечом,
А твой отец идет за ним с ружьем,
А за отцом несется пыль столбом,
А в столб хранитель ангел заключен.

Ой, не шуми, порубленная роща!
Не причитай, возлюбленная теща.
Ты лучше топни с пятки на носок.
Вода выходит замуж за песок.
Как тот песок без имени и роду
Перемешает молодую воду,
На злат песке от голубой воды
Останутся узорные следы.

ПУСКАЙ ОСТАНЕТСЯ ВО МНЕ...

Пускай останется во мне
Избыток вдумчивого детства.
О! Как приятно в тишине,
Совсем не думая о сне,
Перебирать свое наследство.

И хоть прошло немного лет,
Но вспоминаешь: — Вот когда-то...
Когда еще кутил сосед,
Когда был крепок старый дед,
Когда была новее хата.

Когда... От этого «когда»
Скрипят тесовые ступени,
Под ветром стонут провода,
Горит, горит моя звезда
И от друзей ложатся тени.

1955

НОЧЬ В ЛЕСУ

Не шумит дубовая ветка,
Затихает и мглился лес.
Желтый лист отзовется редко
На рассеянный свет небес.

Рядом слышится терпкий запах —
Это хвои коснулась рука.
Только сонно течет на запад
Среди темных деревьев река.

1956

* * *

Желтеет сурепка-разлука,
Полынь и суха и седа.
В степи коридор перезвука
Насквозь волокут поезда.

Товарищ, уйдем за посадку,
Где воздух прозрачный, как спирт,
Чтоб города мертвую хватку
Заклясть шелестением скирд.

1957

* * *

Оскудели родные степи...
Вместо солнца дыра взойдет.
Я надену блатное кепи
И пойду с кирпичом на завод.

Дай нам бог одолеть зевоту,
Мы еще стариной тряхнем.
Пусть начальник дает работу,
Чтобы ногти сошли с огнем.

Э, да что говорить словами!
От деревьев летят лучи.
Я прощаюсь, деревья, с вами,
Листья падают, как кирпичи...

Я снимаю блатное кепи.
На безрыбье сойдет и рак.
Промотал я родные степи,
А завод подождет и так.

1957

* * *

Спеленал провода
Белый снег.
До весны ни следа —
Как во сне.

Только светит сквозь жизнь
Белый лоб.
На забор опершись,
Спит сугроб.

Сон качает легко.
Провода.
Широко... Далеко.
Ни следа.

1958

НА РЕКЕ

Желтеет за нахохленной станцией
Далекими кувшинками река.
И, уплывая в длительное странствие,
Цепляются за звезды облака.

Уходит деревень размытый облик —
В туманах жизни зернышко судьбы.
А в речке заблудившееся облако
Встает перед баркасом на дыбы.

Я снова здесь под маревами древними
О родине негромко говорю.
И снова за прибрежными деревьями
Выщипывает лошадь тень свою.

Под утро станет звякать каплей с ветки
О патронташи тракторных следов.
И я поставлю на окно соседке
Сырое пламя сорванных цветов.

1958

ГРОЗА В СТЕПИ

И вот уже грохот, сумятица, визг,
Метут проливные потоки.
Под низкой подводой не скрыться от брызг,
И в брызгах, как в родинках, щеки.

В глубоком кювете грызутся ручьи,
А тучи трещат, как арбузы.
Под ливнем гудит, словно ветер в печи,
Неубранный лес кукурузы.

Глазастая хата в размытом краю,
А ветер до скрипа развинчен.
И капли с куриным упорством клюют
В прорехи дубового днища.

Я лезу под ливень, под гром горловой,
Я падаю в буйную небыль.
И насмерть над самой моей головой
Зарезано молнией небо.

1958

* * *

Гнулась ветка, ворону качая,
И шумела зеленая мгла.
Ты губами своими, как чаем,
Через ветер меня обожгла.

Только птица небесная знала,
Что забудешь ты землю и сад,
Где не раз твое чувство сгорало,
Как сгорает во мраке закат,

1958

* * *

Отчего ты грустна, невеличка синичка?
Отчего не поешь про свои виражи?
Ты одна у меня, как подмокшая спичка
Заблудившейся в полночь сырую души.

Расскажи, как по синему небу летала,
Как по синему небу летала, звеня.
Много синих морей подожгла и устала,
И усталым крылом зацепила меня.

1958

МОРСКАЯ ВОДА

Море синее, самое синее,
В белой искре и тающем инее.
И красиво мне под ноги падает
Поседелая синева.
Синеву я черпнул ладонями
И всмотрелся глазами влюбленными,
Но вода оказалась без цвета,
Откровенна и нежива.

Ты красивая, очень красивая,
Говорят, что ты очень красивая.
И, признаться, такой красивой
Я не видел еще никогда.
Но мне кажется, странно кажется —
Полюблю я тебя, и окажется,
Что вблизи ты совсем другая,
Как в ладонях морская вода.

1959

* * *

Впервые я встретился с девушкой,
Впервые был час разлуки.
Луна, как вода, мерцала,
Я девушку за руки взял.
А девушка удивилась:
— Какие холодные руки!
— А вы отогрейте руки
Руками, — я так сказал.

Но девушка рассмеялась,
Не видел лица я краше.
Оно на свету сияло,
А я перед ним впотьмах.
Так близко еще я не был!
И думал: а что же дальше?
Да так и стоял с холодными
Руками в ее руках.

1960

* * *

Я всматриваюсь в девушку,
идущую мне навстречу,
и никак не пойму —
почему она не останавливает на мне
свой вопрошающий взгляд.
Наверное, мы никогда не встретимся
вновь,
а я уже немного влюбился в нее.
Но она проходит,
и я чувствую, что сейчас я теряю то,
чего еще не нашел.

1961

БОГАТСТВО

Что таиться! Я был из ловких,
Вырвигвоздь и большой нахал.
На автобусных остановках
Я свидания назначал.

Ах, умею я целоваться!
И рукам я волю даю.
Но сберег я свое богатство —
Никому не сказал: люблю.

1961

СИНЕВА

Сонной чайки маятник качается,
В небе синем даже дымки нет.
Я лежу и таю, будто снег
На песке, что синевой кончается.

И встаю, растопленный лучами,
Оглушает синяя молва.
Раздвигаю синеву плечами,
Обнимает плечи синева.

В синеве широкой и глубокой
Я свечусь, как белое пятно.
Ухожу от берега далеко —
Свежестью дыхание полно

1961

* * *

В утренней деревеньке
В крупной росе лопухи.
Белые, как вареники,
Прыскают петухи.

Срываются неуклюже
С расшатанного плетня.
Бегу босиком по луже,
Рубаха сердцем полна.

Солнце о росы чиркает,
Искры трещат о зенит,
В груди у меня чирикает,
Толкается и звенит.

И чуточку, может, сонный
Прямо передо мной —
Молочный, свежеснесенный,
В пуху еще шар земной.

1961

ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ

Луна в грязи по колено. В черном снегу
Заигранный, как пластинка, хрипел по утрам
городок.
гудок.

А у ларьков по суткам составы очередей.
Хлеб выдавали по карточкам, и не было
хлеба вкусней.

Мать его приносила, я ее дома ждал.
Я в руки буханку теплую, будто котенка,
брал.

Он обдирал мне десны и на зубах скрипел.
Я в детстве другого не видел, но горд, что
его я ел.

Такой же дымный, колючий, прыщавый,
сырой, рябой
Могильным отцам выдавали, и те уходили
в бой...

1961

НАРЯД НА КУХНЮ

Гремел вагон, распатан и раскачан,
Мелькнула Волга, и Урал пропал.
И вырывался из котлов горячих
Лосиными рогами крепкий пар.
Я был в наряде, с папирсой, весел.
Я мясо, как белье, перемывал.
И сорок тысяч комсомольских песен
Под клокотанье пара распевал.
Свистал дырявый пар в тумане сером.
На наши лица налетал рассвет.
Я поварешкой — с небеса размером —
На остановках раздавал обед.
Я мыл котлы дымящейся водою,
До волдырей ладони припекал.
Доил, как вымя, тряпку над ведерком,
И старшина мне душу отпускал.
Судьба моя на высоте решалась.
А сам я шлифовал седое дно,
Пока в пустом котле не отражалось
Мое лицо, как звездное пятно.

1961

БАГУЛЬНИК

Тайга свистала и стонала,
В тумане рушилась вода.
Я видел: девочка стояла,
В багульник, как в пожар, войдя.

Ее распахнутые волосы
Светились сполохом росы.
И было что-то в ней от вольной
Восточной медленной красы.

Она меня не замечала,
Ждала волнений и любви.
Как будто зарево, вздымала
Глаза тревожные свои.

1962

СВЯЗЬ ДАЮ

В солончаках, где путь неровен,
Прошли учебные бои.
Я был худой. В гармонии ребер
Играли легкие мои.

Я связь давал и чуть не падал,
Тонули сапоги в песке.
Но уходил с катушки кабель,
Как будто рыба на крючке.

А после сон, как бич, повальный
Сбивал с земли в единый миг.
И поплавком клевал дневальный
В тяжелом море снов моих.

Я спал, но пот с лица все капал,
Как будто я в песке завяз.
И все тянул проклятый кабель,
Хотя давным-давно дал связь.

1962

СОН НАКАНУНЕ УЧЕБНОЙ ТРЕВОГИ

...Я шел на ночные выстрелы
в безжалостное пространство,
Туда, где бродила контра,
как банды в двадцатых годах.
Мы спали на карабинах,
засунутых под матрасы.
Лежали подсумки черствые
у каждого в головах.

Птица срывалась с воплем —
ей человек приснился.
Одни петухи по-русски
крыли во весь предел.
Свалилась одна палатка,
один сучок надломился,
Одна звезда полетела,
еще один — поседел.

Дрожащая тварь — цикада
трещит под ногой, не смолкая,
О прахе забытых предков,
и светит луна в окоп...
Мы только любили землю,
друг друга не понимая.
И нас целовали пули,
как мать на прощанье, в лоб.

1962

* * *

Я лежу на жестоком одре из досок,
Неуютный кулак подогнав под висок.

В кулаке, словно нитка, зажата струя —
След на Родину, пенистый путь корабля.

Как ревет он под ухом,
Как дышит бедой,
Тот натянутый в сумерки путь молодой.

А когда наконец засыпаю —

Разжимается.

кулак

Нить обрывается...

Мрак.

1964

ГЛАГОЛЫ ДЕМОБИЛИЗАЦИИ

Я речь друзей, как скрип ремней, запомнил,
Мужского рода мысли и дела.
Я старшине рубил три года: «Понял!»
А ты все по-другому поняла.

В стране мужчин не пахла эта ветка,
Скрипя зубами, спали соловьи.
Ты говори! Я буду слушать вечно
Глаголы чужеплавные твои.

Ни измышлять, ни чувствовать так тонко
Никто и не учил меня...

В толпе

Сверкнул майор!.. Бездумная девчонка!
Слова словами — смысла нет в тебе!
Ответ девчонки нестерпимо дик:
— А ты майору покажи язык!

1964

БОРОДАЧ

Я люблю слушать вздор,
И болтать, и снежинки веснушек
В чьих-то темных подъездах
Губами собирать, как слепой.
Это все я люблю!
Я недаром под вопли лягушек
Был счастливым, как пробка,
И вечным, как прах и любовь.

Кто меня надоумил
За каждым дуэтом волочиться
И стоять, как баран,
Из привычки у новых ворот?
Я, наверно, устану...
Когда-нибудь это случится!
Сяду в толстое кресло
И вытяну ноги вперед.

И тогда моя лысина
Станет притягивать лампы.
А моя борода
Из-под ног потечет в океан.
Хор старух пропоет
В честь моей бороды дифирамбы,
И по ней поплывут
Корабли к островам обезьян.

1964

СЛЕЗЫ РОССИИ

Со страны начинаюсь.
С войны начинаюсь...

Отец мой окончен войною,
В чистом поле его,
Прорастая, распяло жнивье.
Я завернут в портянку.
Россия стоит надо мною.
Как круги под глазами,
Траншеи на бледном лице у нее.

Мир, разорванный свастикой,
В улицы входит пустые.
Чистит немец ботинки
Родимую щеткой овсов.

Мама, мама, не плачь!
Ты утри свои слезы, Россия!
Слезы, длинные,
Как отступления наших отцов.

Продолжаюсь войной,
Продолжаюсь страной,
Подымаюсь из белой березы,
Из мартена,
Из скорби,
Из розы с шипами ракет.

Но кричат до сих пор,
Высыхая, те скорбные слезы.
И от них
                  ни забвенья, ни сна
Моему поколению нет.

1965

КАНАРЕЙКА

Поймите боль армейских бравых песен!
Девчонки, к вам, тоскуя, чуть устав,
Мы шли на тонкий-тонкий голос писем,
Застегнутые наглухо в устав.

Лежат в подушках жесткие равнины,
Мы спим и видим теплый отчий дом.
И в ранний час взрываемся, как мины,
От рокового окрика: «Подъем!»

Нам скверно жить, нам умереть со славой.
По воле старшины за строем строй
Все сапоги шагнут, как надо, с левой,
А я не с той,
А я не с той,
А я не с той!

Ать-два!
Ать-два!
Левой!
Канареечка жалобно поет.
Раз, поет,
Два, поет...
Железо по железу, нерв по нерву,
Характер по характеру пройдет.

Пройдут года, как клочья дыма,
Но нам не раз придется, брат,
Забывшись, номер карабина
По телефону набирать.

1965

* * *

В белом оттиске лунной грозы
Мне запомнились ночи глубоко.
На листе в каждой капле росы
Бродит дьявола мутное око.

Снятся хата, звезда, молочай —
Весь кошмарный набор гарнизона.
Комары, как вскипающий чай,
Вьются струйками тонкого звона.

Караулы не чувствуют ног,
Ветви мрака летят им за ворот.
И скрежещет отсохший сучок,
Словно дергает кто-то затвором.

Спит в глубоком свинце тишина.
Ночь в болотах дымится и тянется.
И качает нас в фокусе сна —
Роковом зачарованном танце.

1965

ОТЕЦ В СОРОК ЧЕТВЕРТОМ

Не сняв ремней, он спит на нарах твердых,
На кулаке, что вмят в далекий сон.
Играет славу год сорок четвертый,
Перебирая клавиши погон.

Из пустоты бежит прожектор криво
И вырывает наугад года.
Я снюсь отцу за два часа до взрыва,
Что встанет между нами навсегда.

От той взрывной волны, летящей круто,
Мать вздрогнет в тишине еще не раз.
Вот он встает,

идет,

еще минута —

Начнется безотцовщина сейчас!

Начнется жизнь насмешливая, злая,
Та жизнь, что непохожа на мечту...
Не раз, не раз, о помощи взывая,
Огромную услышу пустоту.

1965

КАРТИНКА 1945 ГОДА

Мать вещи продавать идет: я голоден.
Мне не хватает хлеба, как отца.
Сползаю в сорок пятый год с крыльца,
Качусь слезинкой по щеке у Родины.

Земля травой покроеся — с размаху
Солдаты в чернозем штыки воткнут.
Страна, как слезы радости, салют
Руками прямо по лицу размажет.

1965

БУМАЖНЫЙ ЗМЕЙ

Бумажного змея пускаю в зенит.
Как он поднимается быстро!
Обрывки газет, нанизавши на нить,
Я ввысь посылаю, как письма.

А он ни за что не вернется в мой дом!
На письма ответа не будет.
Его различаю я в небе с трудом...
Меня он забудет, забудет.

А может быть, змея давно уже нет?
Но слышу я: дергаясь прытко,
Натянута тонкая-тонкая нить —
Та, к детству ведущая нитка.

И я оставляю четыре стены,
Бегу под ударами сердца.
Летят и летят вдоль по жизни стихи,
Как письма в далекое детство.

Куда он взлетает, мой мир молодой,
Обычному глазу не видно.
Вот только сильнее мне режет ладонь
Суровая длинная нитка.

1965

* * *

Как птицы, стаканы звенят.
Заброшена школьная проза.
Мы пьем золотой лимонад,
Рогатый и злобный, как роза.

О славе, любви и вражде
Трубите, победные трубы!
Как камешки в горной воде,
Звенят о стакан твои зубы.

Пусть годы и сны по лицу
Бегут, как счастливые слезы,
И дышит во мгле поцелуй
Из света, озноба и розы!

1965

ГЛУПЫЙ ЧЕЛОВЕК

В некотором царстве,
За тридевять галактик,
Где трамваи ходят
И дождик мелко бьет, —
С младенческим лицом,
Без воли и характера,
Одинокий, глупый
Человек живет.

Ничем примечательным
Вам он не покажется.
Постоит, послушает
И в сторону свернет.
Смотрите: он уходит,
От ветра чуть покачиваясь.
Вы спросите: «Куда?» —
А он рукой махнет.

Его подруга топнет
От злости и обиды,
Бродягой, неудачником,
Поэтом обзовет.
Он грустно усмехнется,
Постоит и выйдет,
И старое пальто
Со звезды рванет.

Прятели привычками
Заняты. Не знают,
Что человек он глупый
И жизнь его глупа.
Стоит один на улице,
А мимо проплывают
Зеленые, соленые,
Деревянные облака.

1965

ПОЕЗД

Я вечный бродяга с клеймом на боку,
Разлуками путь переметил.
Хватал на бегу и бросал на бегу...
И сонную девочку встретил.

Я мимо, я мимо, я мимо хотел.
Напрасно она улыбнулась.
— Ты шутишь? — спросила. Я лгать
не умел...

Обратно она не вернулась.

1965

* * *

Какой в моей жизни горел звездопад!
Какие прошли поезда!
Но скучно мешки под глазами висят,
Как спущенные паруса.

В моем пиджаке ночевала гроза
И тени косых вершин.
О мудрость! Твоя прозвела слеза
По вечным ступенькам морщин.

1965

САМОВАР

Зачем впадаю в детство, как в болтливость,
Забыв побриться, закуривши вдруг?..
Вот самовар, лоснящийся, потливый,
Стоит со шпорой крана, как петух.

Вот, жаждой непонятной опаленный,
Я долго воду из цибарки лью.
Как балалайку, звонкое полено
Поющими охапками щиплю.

Я говорю веселыми стихами,
Топчусь мальчишкой рыжим и босым.
И раздуваю самовар дыханьем —
Готовый лопнуть радужный пузырь.

И рядом дед пыхтит, раскрыв рубаху,
И тянет чай, как песню азиат.
И кажется, что самовар с размаху
Взлетит над детством в солнечный закат.

Мир глубины подернут чуткой пленкой.
Он остывает — на него дышу.
И чашку с дымным чаем, как цыпленка,
В ладони недоверчиво держу.

Я стал другим, давно не замечаю
Тех лет, что позади, как пустяки.

Хотя держу стихи, как чашку чаю,
И пальцы обжигаю о стихи.

Но это зря, я над собой посмеиваюсь.
Я мудр как змий,
Рассудочен и стар.
Включен в розетку, будто в современность,
На привязи скулит мой самовар.

1965

* * *

Нынче молодость. Жалоб не будет.
Выпал путь красоте вопреки.
И на медленном пламени будней
Мы сгораем, как еретики.

Как кулак, разжимаются молнии...
Очень трудно и очень легко.
Очень страшно — окончится молодость,
А до смерти еще далеко.

1965

* * *

Что юность думать заставляет?
Не тишина, не тишина.
Природы чувство остывает,
Дорога знаков лишена.

Я принял истины дороже
Крутого времени печать.
И то, что есть меня моложе,
Стал с удивленьем замечать.

1965

* * *

Не выходят стихи.
Ну и ладно. Забуду, покину
Стол, чернильницу, сердце,
Решительно влезу в пиджак,
Выйду в ночь, как в отставку,
Нерусскую шляпу надвину,
Саркастически
Толстые губы поджав.

Мама, мама, ваш сын неудачник.
Ваш сын неприкаянный ходит.
Разве можно так долго ходить?
Разве можно так долго курить?
Не выходят стихи.
Понимаете, жизнь не выходит.
Может, время жениться
И шлепанцев пару купить?

Я горю белым светом
Своих неподкупных бессонниц.
Мой обугленный рот
«Презираю!» кричит на меня.
Я лопату беру
И копаю в том месте, где совесть.
Ненавижу стихи!
Прометей, не желаю огня!

1965

ВОЛНА

Я возраста еще не понимал,
Когда взлетел на гребень поколенья.
Пусть я не мудрость в сеть морщин
поймал,
А смутную улыбку сожаленья.

Дрожат моря — так губы ищут слов.
Душе тесны земные небосводы.
Но, обдирая плавники стихов,
Сквозь сеть морщин мои уходят годы.

Меня несет на берег высота.
Последний взлет!..
Перед своим паденьем
Так мощно медлит гребень!..

И чиста
Душа перед своим перерождением.

1965

ПРОЩАНИЕ С КРАСНОДАРОМ

*В. Горскому,
В. Неподобе*

Потрясают осенний перрон
Золотые литавры и трубы —
Их прислало бюро похорон
По изысканной выдумке друга.

Может быть, я, ребята, вернусь!
Но прощальными машут руками.
И на память мне дарят арбуз.
Исцарапанный именами.

Я читаю: «Валерка», «Вадим»,
«Кабаки», «переулки», «закаты»...
Мы неверным молчаньем почтим
Нашей молодости раскаты.

Гей, шампанского! Водку несут.
Ничего, наливай до предела!
Мы сегодня покажем, как пьют
За успех безнадежного дела.

Я бросаю в измоглый туман
Роковую перчатку...
Однако
Машинисту последний стакан,
Чтобы поезд летел как собака!

Не грустите, Валерка, Вадим,
Я вернусь знаменитым поэтом.
Мы еще за успех воздадим,
Шапку оземь и хвост пистолетом!

1966

СОДЕРЖАНИЕ

1

«Ты не стой, гора, на моем пути...»	6
Осколок	7
«Я пил из черепа отца...»	8
Озеро	9
«Пройдя туда, куда, смыкая цели...»	10
Распутье	11
Завет	12
«Где-то в поезде ехали двое...»	13
Двойник	14
«И снился мне кондовый сон России...»	15
Русская мысль	16
Семейная вечеря	17
«Надоело качаться листку...»	20
«Мне снились воздри! Тысячи воздрей...»	21
Последний эмигрант	22
Северная быль	23
Шорох бумаги	24
Зной	25
Черный подсолнух	26
Двуединство	27
Морозящий дождь	28
Перевертень	29
Прощание	30
«На темном склоне медлю, засыпая...»	32
Елена	33
Макбет	35

108

«Моей любви да убоится старость...»	36
Урод	37
Обращение к друзьям	38
«Я помню, как в дом возвратился...»	39
Песня	40
Любовь Гулливера	41
Прощальный жест	42
«Ты зачем полюбила поэта...»	43
Змеи на маяке (<i>Поэма</i>)	44
Женитьба (<i>Ироническая поэма</i>)	49

2

Пускай останется во мне...	56
Ночь в лесу	57
«Желтеет сурепка-разлука...»	58
«Оскудели родные степи...»	59
«Спеленал провода...»	60
На реке	61
Гроза в степи	62
«Гнулась ветка, ворону качая...»	63
«Отчего ты грустна, невеличка синичка?...»	64
Морская вода	65
«Впервые я встретился с девушкой...»	66
«Я всматриваюсь в девушку...»	67
Богатство	68
Синева	69
«В утренней деревеньке...»	70
Черный хлеб	71
Начало	72
Наряд на кухню	74
Багульник	75
Связь даю	76
Сон накануне учебной тревоги	77
Девочки...	78

109

«Вернусь на родину — суровый...» . . .	79
«Я лежу на жестоком одре из досок...» .	80
Глаголы демобилизации	81
Мечта	82
Бородач	84
Слезы России	85
Канарейка	87
«В белом оттиске лунной грозы...» . . .	89
Отец в сорок четвертом	90
Картинка 1945 года	91
Бумажный змей	92
«Как птицы, стаканы звенят...»	93
Глупый человек	94
Поезд	96
«Какой в моей жизни горел звездопад!..»	97
Самовар	98
«Нынче молодость. Жалоб не будет...» . .	100
«Что юность думать заставляет?..» . . .	101
«Не выходят стихи...»	102
Волна	103
Трамвай	104
Из детства	105
Прощание с Краснодаром	106

Кузнецов Ю. П.

К89 Выходя на дорогу, душа оглянулась. Стихотворения и поэмы. М., «Молодая гвардия», 1978.

112 с.

В новую книгу Юрия Кузнецова вошли стихотворения и поэмы разных лет. В первом разделе более поздние произведения уже зрелого поэта. Второй раздел составили ранние юношеские стихи, в основном не публиковавшиеся. Они датированы 1955—1966 годами. Первое стихотворение этого раздела «Пускай останется во мне...» написано Ю. Кузнецовым в 14 лет.

Тематика стихотворений широка: прошлое и настоящее, мир и война, Родина и семья, любовь и товарищество. «Выходя на дорогу, душа оглянулась» — четвертая книга поэта.

P2

К $\frac{70402-158}{078(02)-78}$ 179-78

ИБ № 1398

Юрий Поликарпович Кузнецов
ВЫХОДЯ НА ДОРОГУ ДУША ОГЛЯНУЛАСЬ

Редактор **Т. Чалова**
Художник **Д. Шимилис**
Художественный редактор **А. Романова**
Технический редактор **Р. Сиголаева**
Корректоры **Л. Четыркина, Е. Сахарова**

Сдано в набор 27/X 1977 г. Подписано к печати
31/V 1978 г. А05889. Формат 70×90^{1/32}. Бумага № 2.
Печ. л. 3,5 (усл. 4,09). Уч.-изд. л. 2,6. Тираж 40 000 экз.
Цена 25 коп. Т. П. 1978 г., № 179. Заказ 1912.

Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес
издательства и типографии: 103030, Москва, К-30,
Сушевская, 21.

25 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ